

Эммануил Казакевич

(1913 - 1962)

24 февраля 1913 года в Кременчуге, в семье учителя, впоследствии известного журналиста, главного редактора газеты "Биробиджанер штерн" Генаха Казакевича родился будущий писатель Эммануил Казакевич. Закончив семилетку и машиностроительный техникум в Харькове в 1930 году, Эмка (так называли его друзья) уехал в Биробиджан. Там началась его трудовая деятельность. Он сменил много профессий: был культинструктором, начальником строительства Дворца культуры, председателем колхоза, директором Биробиджанского ГОСЕТа, председателем областного радиокомитета. Одновременно занимался литературным трудом, сотрудничая в газетах и журналах Дальнего Востока. Там же издал на идиш свою первую книгу стихов "Биробиджанстрой".

В 1938 году, дабы избежать ареста, о котором его предупредил знакомый из МГБ, срочно выехал в командировку в поселок Биракан, а оттуда поездом отправился в Москву, где на время "залег на дно", занимаясь литературным трудом и переводами советских поэтов на

идиш. Там, в Москве, он написал поэму "Шолом и Хава", перевел на идиш Маяковского, Гейне, Шекспира. А вскоре началась война. Хотя Казакевич был снят с военного учета из-за близорукости, но всё же добился своего и добровольно пошел на фронт, пройдя путь от рядового бойца ополчения до помощника начальника разведки одной из армий, штурмовавших Берлин. В 1946 году он вернулся в Москву и возобновил прерванную войной литературную работу. В том же году написал знаменитую повесть "Звезда", за которую получил Государственную премию, в 1948 – повесть "Двое в степи", в 1949 – роман о последнем этапе войны "Весна на Одере", тоже удостоенный Госпремии. Твардовский однажды сказал о нем так: "На войну ушел посредственный еврейский поэт, а вернулся с нее великолепный русский прозаик". Полтора года живет в одном из колхозов Владимирской области, где пишет повесть "Сердце друга" и начинает большой роман "Дом на площади", опубликованный в 1956. В 1961 написаны рассказ "При свете дня" и повесть "Синяя тетрадь". Очень требовательный к себе, Казакевич на протяжении всей творческой жизни испытывал неудовлетворенность и недовольство собой, но всё, что им было написано, всегда хорошо принималось читателями.

Умер Казакевич 24 сентября 1962 года в Москве.

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ Я СЧАСТЛИВ

Я, коня не седлая,
Взлетел на него.
И шарахнулись в стороны
Синие тени.
Я намётом лечу
Среди сказочных гор
По обильному августу
В рыжем цветенье.
От Виры до Хингана,
Коня горяча,
Мимо пасек,
Пропахших медвяным настоем,
Сквозь смолистые запахи
Кедрача
Я лечу. И я вижу —
Земля моя строит.
Мне навстречу
Выходят мои земляки.
Я приветствую их,
Поздравляя с успехом...
— 0-го-го!
Возвращается из-за реки
Их ответ многократным
раскатистым эхом.
И девчата с полей
Мне помашут вослед.
Тракторист улыбнется
Приветливо, щедро.
Я люблю свою землю!
Мне мил белый свет!
В зимовье нахожу
Я смолистые щепки.
Сухари. И хрустящую
Соль в туеске.

ВЕСНА

**Аисты, прибыли аисты,
Всех красотой завораживая.
Их белые крылья взметаются,
Впереди их клювы оранжевые.
Как им легко летается!
Как всему миру тается!
Вот так прибывают аисты.**

**Ласточки, прибыли ласточки,
словно комочки земли,
садящиеся так ласково
на старые гнезда свои.
Работают клювы и лапочки
и ставят на гнезда латочки.
Вот так прибывают ласточки.**

**Люди, прибыли люди.
Их песни — на лесоповале.
Костры запылали во вьюге,
Глаза у костров запылали.
Все стало домашним в округе
И теплым, как будто на юге...
Вот так прибывают люди.**

Перевод Евг. Евтушенко

ЛЕСНАЯ ДЕВУШКА

...И вот костер забушевал,
И злое пламя загудело.
Трава осенняя горела,
Шел по тайге весенний пал,
Как бы девятый красный вал,
Как океан,
Как гневный царь,
Все сокрушая и калеча.
Пустив огонь огню навстречу,
Мы сами отошли на гарь.
Мы — десять молодых ребят
На экспорт лес тайги валили.
Похлебку на костре варили.
И каждому был черт не брат.
И лучший пильщик был Мотя
Плат.
И падали деревья ниц —
Мы все тогда дружили с риском.
Здесь были Брук
И Шимен Римский,
Охотник добрый Мойша Минц.
Гудела молодость, как печь,
И вдохновенно пели пилы.
И каждому по двадцать было,
И каждый был широкоплеч.
Тогда спасеньем и бедой
К нам
Из-за огненного вала
Лихая лошадь прискакала
Со всадницею молодой.
Стал ярче день, а ночь темней,
Померкли яростные краски.
Мы вспомнили о женской ласке
И о заботе матерей.

Была как призрак огневой —
Мы любовались без утайки —
Девчонка эта в рыжей майке,
С растрепанною головой.
Все пробудилось сразу в нас —
И ночь,
И огненная буря,
И лошадь дикая,
И кудри,
И кожи ласковой атлас.
Все прояснилось до конца
От этой русости и сини.
Не стало трусости и силы,
А разом вспыхнули сердца.
Через штыки горящих трав
Она пробилась к лесорубам
И так представилась:
— Я — Люба.
На днях рекой начнется сплав!
Я здесь не с тем, чтоб огорошить,
Я сутки пробыла в лесу.
Я по бригадам весть несу.
Прошу вас, напоите лошадь.
Я отдохну, потом уеду.—
И сразу кончился мираж.
Засуетился лагерь наш
И стал готовиться к обеду.
Соединились хлебосольно —
Чай, сваренный на таганке,
Да рыба с мясом на пеньке —
Пошло таежное застолье.
И всю артель любовь скосила —
За стол садились не дыша.
Первый: «Прекрасна!»
Второй: «Хороша!»
Третий: «До чего красива!»
«Понравиться надежды нет!»
«О, до такой мне — как до неба».
«Стесняюсь ей подвинуть хлеба!»

«Я завтра ей нарву букет».
А чем помочь сердечным ранам!
Стреляло из костра смольё,
И косы русые ее
Сверкали золотом багряным.
Она была луны туманней,
И рядом с этой красотой
Вся жизнь казалась нам мечтой,
Несбывшимся воспоминаньем!
И мы сдаемся ей на милость,
И пал пылал у нас в груди,
И все, что было впереди,
Как волны пенилось и билось.
И в каждом закипела смелость,
Жизнь закусила удила,
И ласточка любви свила
Свое гнездо в таежном сердце.
И песня с песнею сливалась,
И Люба милая была
Светла, как полная луна,
И как луна в ночи смеялась.
Мы лошадь Любе подвели.
Я придержал тугое стремя.
На миг остановилось время,
Чтоб брызнуть топотом вдали.
Летела гарь с таежных трав.
И Минц,
И Мотл,
И оба Брука —
Все посмотрели друг на друга.
А завтра начинался сплав.
Рванулся конь,
Вдали пропал
С дикаркою русоволосой.
И голубые пали росы
На огненный таежный пал.

Перевод В. Кострова

ПЕСЕНКА О СТАНЦИИ ТИХОНЬКОЙ

Где на сопках синих
солнышка с излишком,
станция стояла —
маленькая слишком.
Тихонькая станция,
робкий огонечек.
Но однажды маятный
выдался денечек:
зашумела станция,
поезда встречая
из Орла и Жмеринки,
Умани и Гая.
Все переселенцы
местностью довольны —
сопками крутыми
и простором вольным,
сочными лугами,
где лишь ветер бродит...
— Значит, остаемся?
— Таки да, выходит!
— Эй, товарищ Мойше,
вымолвите слово:
кто там возле станции —
тигр или корова?
— Что же, тигр — неплохо,
но корова лучше...
Тихонькая станция —
в будущее ключик.
Те, кто в эшелонах
шумных приезжают,
город свой построить
над Вирой мечтают, —
солнечный, как песня,
юный и прекрасный,

**как улыбка, светлый,
как удача, ясный!**

1931

Перевод Л. Школьника

7 МАЯ 1934 ГОДА

Утром седьмого мая
над городом дождь случился.
Он тараторил бойко,
бил в барабаны крыш.
И, наигравшись вволю,
в сопках зеленых скрылся —
в начале месяца мая
веселый дождик-малыш.

Так начиналось утро:
тропинок не выбирая,
мальчишки бежали в школу
по лужам вперегонки.
И пестрое стадо вышло
из темноты сарая,
и в этот же час к Хингану
вышли промысловики.

И в этот же час блеснуло
солнце в небесной шири,
охапки лучей швыряя
в окна новых домов.
И в синеву потянулся
самый весенний в мире,
счастливый и юный город, —
я славить его готов.

Мой город — добрый хозяин:
проворен и крепко скроен,
он снарядил подводы,
послал в село семена,
на тракторах забросил
бревна для новостроек,
гудками провозглашая:
— С приходом тебя, весна!

**А ветер, как гость случайный,
в квартиру мою ворвался,
множество разных подарков
стал раздаривать он:
запахи трав и почек,
прозрачные звуки вальса,
гомон птиц и мальчишек
и — телефона звон.**

**Чей это голос в трубке?
Быть может, голос соседа?
А может быть, это сердце
мое на ветру поет?
Но, честное комсомольское,
нет радости большей, чем эта:
— Сегодня, седьмого мая,
объявлена область!
Вот!**

**И возникает митинг!
И каждый требует слова!
Пляшет казак амурский,
бороду разметав.
И звуки звонкого «шера»
разносятся снова и снова,
и пляшет старая Хана,
к казачьей груди припав.**

**А я говорю ей:
— Хана,
поплачьте. Слез не стыдитесь.
Медики рекомендуют
плакать нам иногда.
И все же сквозь слезы, Хана,
на миг хотя бы взглянитесь
в эти дома и улицы, —
во все, чем область горда.**

**Она из тайги дремучей
вставала, меняя облик,
на месте болот недавних
построила Биробиджан.
И нынешний общий праздник,
твой праздник рожденья,
область —
радость и в сельском доме,
и в комнатах горожан.**

**И снова гремят оркестры,
на солнце кумач пылает,
люди поют и пляшут,
и песня рвется в зенит.
И в мощном людском потоке
каждый из нас понимает:
сделано очень много,
но сколько еще предстоит!**

1934

Перевод Л. Школьника

БОЛЬШОЙ МИР

**Счастливый мир, что я ношу в себе,
и мир вокруг меня — они едины,
две равные большие половины,
составившие целое в судьбе.**

**Вся уместилась Родина во мне.
И если мир расколот будет снова,
я жизнь свою готов отдать стране,
как и она спасти меня готова.**

**Мне чувство страха вовсе незнакомо,
и счастье не отхлынет от лица:
в любой избе мне нравится, как дома,
и взгляд любой
понятен до конца.**

1932

Перевод Л. Школьника

НАША ЗЕМЛЯ

Она лучится, светится, сияет —
бесследно растворилась темнота.
И в честь победы музыка играет, —
легка,
звонкоголоса и чиста.

И я губами, сердцем припадаю
к моей земле,
просвеченной до дна,
и говорю:
— Ты вечно молодая.
Счастливая. Любимая. Одна.

И я горжусь
твоим простором ясным,
людьми,
что песне солнечной под стать.
Душа горит желанием прекрасным
все, чем богат,
тебе одной отдать.

1933

Перевод Л. Школьника

* * *

**Я молод. И часто вечерней порою
без меры шутил, тосковал без причины.
И сердце вовеки не холил в покое, —
горячее, верное сердце мужчины.
Я сдерживал волю свою, как дыханье,
но мускулы пели, готовые к бою, —
то вдруг начинал говорить я стихами,
то вдруг замолкал в тишине травостоя.
Я вскачь по таежным распадкам носился,
и вздрагивал конь подо мной от испуга.
Он даже кустов, как волчат, сторонился
и глазом косил на случайного друга...
Я молод. Со мною такое бывало:
я плакал, свалившись на мшистую землю.
И все же беда меня с ног не сбивала —
безбедную жизнь ну никак не приемлю!
Судьбе не поставит меня на колени —
я молод, и верю в призванье поэта:
я песню пою о моем поколенье,
о нашей Отчизне, что звонче рассвета.
В лучах восходящего солнца большого,
отмеченный дружбой людей настоящих,
мечтаю сказать настоящее слово
о преданных делу,
о верность хранящих!**

1931

Перевод Л. Школьника

МОИ ПЕСНИ

Туманные аллеи красных сосен
Хранят одним им ведомые сны.
И в золоте разливы прошлых весен,
И пьяный воздух нынешней весны.
И, хохоча беспечно, мы идем
Гуда, куда аллеи нас уводят.
И новых весен жаждем мы и ждем.
Они приходят и они проходят.
Оглянемся встревоженно-тихи.
И друг у друга ничего не спросим,
И лишь негромко прозвучат стихи
В аллеях сосен и ушедших весен.

1932

Перевод В. Соломатова

* * *

Где-то там, в июлетье моих увлечений,
Отцвела ты зарей над рекою вечерней.
Я искать тебя буду во взгляде случайном,
В тихих зарослях леса, в толчее городов,
В криках чаек, кричащих над плесом отчаянно,
В чистой ясности робких цветов.
Обречен я на поиск. Но чувствую это —
Не найти мне тебя и в разливе рассвета.
Ну, а может, печаль зря мне сердце тревожит —
И судьба не дала нам иного пути,
Может, был это миг, и миг этот прожит
И тебе от меня надо было уйти?
Убежать, улететь, унести, раствориться...
Почему ж тогда слезы кипят на ресницах?
И зачем ты в глаза мне так долго глядела?
Лучше матери слушать меня как могла?
Для чего ты мне песни раздольные пела?
Не затем же, чтоб сердце окутала мгла.
Оба были с тобою мы слепы и глухи.
Нет тебя. Мне остались одни лишь стихи.
Я — глупец. Прожил жизнь я с тобой,

как во сне.

И теперь неприкаянно всюду брожу.
Но проклятье судьбою отпущено мне —
Даже все потеряв, все же я нахожу
Песни синие в раненом сердце моем.
Их дуэтом с печалью мы нынче поем.

1933

Перевод В. Соломатова

ЗА ПОРОГОМ Я ОСТАВИЛ...

**По возвращении из шумных городов
Лицо твое я вижу по-иному.
Я вешний ландыш принести готов
И разбросать красу его по дому.
Я о любви не спрашивал тебя.
(Как крепко пахнет ландыш-недотрога!)
Зачем же ты, смущаясь и любя,
Пытаешь, где легла моя дорога.
Там, за порогом, оставляю я
Пыль всех дорог, что мне даны судьбою,
И колкий снег, и россыпи дождя,
И все те дни, что жил я не тобою.**

1932

Перевод В. Соломатова

© Составление, оформление, В.И.Кишиневский, 2011